

настоящей выставки или публикации из этих именно десяти работ (и чтобы ни одной лишней). Кто мне докажет, что выставка из десяти выдающихся фотографий не будет достаточно выдающейся? И что это за купечество – экспонировать сразу 200 или 400 работ?

Теперь Бодрова постигло (художник, говорят, не умирает) новое несчастье – во многих местах, в Москве и Курске, в Союзе фотохудожников, в редакциях разных газет и газетенки обнаружили большие подборки гениных фотографий. И каждый обладатель такой коллекции теперь волен делать с ней все, что ему заблагорассудится. Эти наивные люди читают на обороте «Г. Бодров» и думают, что это и есть Г. Бодров. Несчастье же в том – я утверждаю – что все эти снимки гроша ломаного не стоят, они дискредитируют Бодрова, превращают редкого мастера в рядового фотолюбителя. Собственно он так и начинал когда-то до нашей встречи. Мне повезло, это был, безусловно, один из самых талантливых моих учеников. Гена (потом к нему присоединился Анатолий Черей из Свердловска, через год он погибнет первым от рака) приезжал ко мне один-два раза в месяц и привозил до сотни контролек. Чаще всего я отыскивал в сотне одну или две достойные работы, иногда – ни одной. Но остальные всегда просил уничтожить, самые слабые, бывало, рвал сам. Гена же вместо этого пристраивал их по московским редакциям, чтобы хоть что-то заработать. Носить-то он их носил, а вот забирать забывал. И вот после его смерти эти снимки, которые мы называли третьим сортом, сегодня представляют его как фотографа, а лучшие его работы, наша гордость и надежда, настоящие шедевры собраны в полном объеме только в моей коллекции. Мы берегли их для будущих выставок, для будущей книги...

Фотограф делает за свою жизнь десятки, если не сотни тысяч снимков. Но судят о нем всего по нескольким фотографиям, которые в лучшем случае остаются в истории, а все остальное, вообще говоря, никто не должен видеть, кроме близких людей. Неудачные, не сложившиеся фотографии, заготовки – все это кухня фотографа, и дальше кухни они попадать не должны. Есть мировые знаменитости, которые за свою жизнь сделали один или два снимка, но зато снимки эти такого величайшего уровня, что ставить с ними рядом еще 100 или 200 работ второго плана просто бессмысленно. Ретроспектива из 200 или 400 работ – это, чаще всего, не только весьма утомительное, но и довольно грустное зрелище. Такую выставку может себе позволить очень средний или посредственный фотограф, у которого нет ничего по-настоящему яркого, выдающегося.

Ведь были художники, написавшие всего одну картину. Кто сказал, что в коллекции фотографа должно несколько сотен фотографий? Их может быть 50 или 100 (это гений, это А. Картье-Брессон, это Йозеф Куделка или Себастио Сальгадо), может быть 5 или 10 (это выдающийся фотограф), но может быть и одна-две, которые не стыдно показать, когда попадешь на небо и там тебя спросят, что такого ты за всю свою жизнь сделал.

И это касается не только фотографии, японский поэт XVII века Басё – мастер трехстиший хайку – так пишет об этом: «Тот человек, который за всю свою жизнь создал всего три-четыре превосходных стихотворения, – настоящий поэт. Тот же, кто создал десять, – замечательный мастер». Разве это не похоже на судьбу фотографа. Ведь за один день можно снять сотни кадров, но можно, наверное, написать и сотню хайку. И что же остается от жизни замечательного мастера, неужели только десять работ, все та же сакральная цифра? А что делать с остальными, если, однажды